

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Д. А. Оксамитной
«Императорский двор Екатерины II как властный институт»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Организация власти в России раннего Нового времени, ее функционирование, ее типологизация, взаимоотношения и взаимодействие разных ее структур – это своего рода «вечная тема» историографии, берущая начало в работах историков-правоведов государственной школы середины-второй половины XIX в. и непосредственно связанная с одним из центральных вопросов россиеведения как области научных исследований: что представляло собой Российское государство на разных этапах своего существования? В последние десятилетия изучение этой проблематики обогатилось рядом новых подходов, связанных с антропологическим поворотом, новой политической и новой социальной историей, побудивших историков обратиться как к изучению отдельных институтов, так и к личностям тех, кто принимал решения на разных этажах властной пирамиды и тем, кто их исполнял, в тесной связи с трансформацией социальной среды, повседневных практик и характерных для общества рассматриваемого времени ментальных установок. В отечественной историографии советского времени эти подходы, в том числе с использованием историко-генеалогических данных, в определенной мере применялись историками, изучавшими политические реалии России XVI–XVII вв. Что же касается XVIII столетия, то первые работы, основанные на изучении социальных и родственных связей внутри политической элиты, в 1970-е – 1980-е гг. были написаны зарубежными историками, а российскими исследователями обратились к этой проблематике лишь в постсоветское время и пока крупных работ подобного рода совсем немного. В свете сказанного научная актуальность и значимость диссертационного исследования Д. А. Оксамитной не вызывают сомнений. А поскольку императорский двор России эпохи Екатерины II до сих пор не становился предметом специального

исследования, несомненна и научная новизна данной диссертации. При этом стоит сразу же отметить как историографическую фундированность, так и высокую степень методологической основательности этой работы. Важнейшими для диссертантки при этом стали методы просопографии, количественные методы и концепт патрон-клиентских отношений, на которых преимущественно и основано ее исследование. Достаточно представительной выглядит и источниковая база диссертации, включающая разные виды исторических источников. Все это позволило автору диссертации получить значимые научные результаты, сделать ряд интересных наблюдений и в целом успешно справиться с решением обозначенных во Введении задач.

Структура диссертации, состоящей из трех глав, выглядит логичной и продуманной. Первая глава работы посвящена своего рода отправным точкам, на которых строится дальнейшее исследование – истории формирования российской элиты и императорскому двору, как институту, его истории, значению, формальной организации и взаимоотношениям с монархом. Сразу же замечу, что, на мой взгляд, при знакомстве с этой частью диссертации недостаточно проясненным остается вопрос используемой терминологии. В тексте встречаются такие словосочетания, как «государственная элита» (например, с. 4, 21, 35 и др.), «политическая элита» (с. 7), «дворянская элита» (с.8), «правлящая элита» (с. 32, 53). На с. 43 диссертации автор пишет о «государственной (политической)» элите, что наводит на мысль, что эти понятия используются как синонимы, однако, думается, нелишним было бы сделать соответствующее пояснение. Достоинством данной главы является, по моему мнению, прежде всего то, что диссертантка вписывает рассматриваемые в ней сюжеты как в широкий хронологический, так и историографический контекст, отмечая особенности формирования российской элиты по сравнению со странами Западной Европы, которым посвящены в основном классические работы по истории института двора, начиная с Н. Элиаса. Заслуживает внимания, хотя и представляется дискуссионным вывод Д. А. Оксамитной о том, что до XVIII в. в России «н

существовало формально определённого института, с соответствующим набором чинов и процедур, подобного европейским дворам Нового времени» (с. 60). С одной стороны, это верно: двора, подобного европейским дворам Нового времени, в Московском государстве действительно не было, но набор чинов и процедуры были. Другое дело, что иной была культура этого двора: отчасти его функции, хотя функция легитимации царской власти, о которой пишет диссертантка, на мой взгляд, присутствовала. Также она, несомненно, права в том, что ритуал московского времени «диктовался в первую очередь религией», но все же не исключительно религией. Например, зафиксированное в разрядных книгах оформление ритуалов царских выездов носит вполне светский характер.

Вторая глава диссертации Д. А. Оксамитной посвящена воссозданию «коллективного портрета» членов императорского двора екатерининского времени посредством методов просопографии. Стоит заметить, что подобного рода исследований в нашей историографии пока немного и с этой точки зрения эта глава диссертации представляет интерес не только с точки зрения полученных результатов, но и в методологическом плане. Соискательница при этом достаточно подробно описывает методику создания базы данных, на которой основана ее реконструкция, выделенные ею параметры и характеристики, используя которые ей удалось сделать обоснованные и научные выводы. Так, важным представляется вывод диссертантки о том, что двор служил своего рода «кадровым резервом», открывавшим для его членов возможности карьерного роста на государственной службе. Также заслуживает внимания вывод автора о том, что «пожалование придворным чином выступало как присвоение политического и социального капитала» (с. 138). Интересны и полученные данные об образовании придворных, причем в дальнейшем представляется перспективным сравнить их с образованием высших чинов администрации – губернаторов, вице-губернаторов, президентов и вице-президентов коллегий. Автор диссертации обращает внимание на то, что нередко на высокие административные посты назначались

люди, не имевшие необходимого опыта. На первый взгляд, можно подумать, что эта ситуация повторяет практики Московской Руси, где профессионалами управленцами были не столько приказные судьи, сколько дьяки и подьячие. Однако, к примеру, многие губернаторы екатерининского времени оказались довольно эффективными управленцами и внесли существенный вклад в развитие регионов, которыми руководили. Думается, Д. А. Оксамитная подняла здесь интересный вопрос, требующий специального исследования.

В третьей главе диссертации она рассматривает значение неформальных практик, трактуемых как патрон-клиентские отношения. При том, что сделанные диссертанткой, в том числе на основе мемуарных свидетельств и иных источников личного происхождения, наблюдения и выводы вполне корректны, эта глава может стать предметом научной дискуссии. Участники посвященного патрон-клиентским отношениям круглого стола, состоявшегося в 2003 г., не пришли к единому мнению относительно содержания этого концепта. С одной стороны, отмечалось, что патрон-клиентские отношения пронизывали все сферы (придворную жизнь, государственные учреждения, армию, интеллектуальную сферу) и все виды отношений – родственные, служебных, соседских и т. д. С другой, как было замечено, «если расширить понятие “клиентела” <...>, то понятия “патрон” и “клиент” могут полностью утратить эвристический смысл», а «совокупность материалов гораздо богаче этих отношений и пока вписывать их в эти рамки несколько опасно. Опасно в том смысле, чтобы не отсечь многообразия и не пытаться эти отношения как-то стандартизировать». Изучая патрон-клиентские отношения применительно к екатерининскому двору, диссертантка обращает внимание на родственные связи, матримониальные стратегии как факторы карьерного роста и привлекает многочисленные свидетельства мемуаристов. Среди прочего она упоминает, например, о том, что фаворита императрицы А. М. Дмитриева-Мамонова упрекали за то, что он недостаточно активно продвигал своих родственников. А почему? Наверное, потому что помощь родственникам воспринималась как долг стоящего на более высоких ступенях иерархической

лестницы человека. И это при том, что родство считали иначе, чем в наши дни, включая в него и очень дальних родственников и свойственников и при этом сам слой аристократии был тонким, браки заключались преимущественно внутри него и, в сущности, родственные связи охватывали весь этот слой. Более того, в представлениях того времени долгом высокопоставленного вельможи было помогать нижестоящим, даже если они не были родственниками, сослуживцами или просто знакомыми. Периодический посылавший генерал-прокурору Вяземскому ходатайства за разных людей А. Г. Орлов в одном из писем, извиняясь за назойливость, писал: «место и чин вашего сиятельства оные хлопоты приносят, а должность честного человека (т. е. человека чести – А.К.) – за некоторых предстательствовать». Классическое понимание патрон-клиентских отношений предполагает взаимный обмен ресурсами, но на какой обмен мог рассчитывать, например, упоминаемый в диссертации обер-шталмейстер двора Л. А. Нарышкин, когда ходатайствовал перед тем же Вяземским о назначении копиистом солдатского сына, числившегося учеником Межевой экспедиции? Начальник может продвигать своего усердного подчиненного, руководствуясь интересами дела. Подчиненный будет за это благодарен, но означает ли это, что между ними возникли отношения патрона и клиента? Иначе говоря, на мой взгляд, с концептом патрон-клиентских отношений стоит обращаться осторожно, каждый конкретный кейс требует специального рассмотрения. Впрочем, автор рассматриваемой диссертации использует и более корректное словосочетание – «неформальные связи».

Еще один дискуссионный вопрос, порождаемый диссертацией Д. А. Оксамитной как серьезным научным исследованием, касается самого феномена императорского двора. Диссертантка совершенно справедливо отмечает его церемониальную, легитимизирующую и репрезентативную функции. Последняя для XVIII в. была особенно значимой. Двор был своего рода визитной карточкой страны, его роскошь и многочисленность воспринимались как свидетельство богатства и могущества государства. При

этом, поскольку двор – это институт, характерный для монархической формы организации власти, сама ее специфика определяет и его аристократический состав. Думаю, что для Екатерины II, не принадлежавшей по рождению к русской аристократии, это было особенно важно, причем присутствие в составе двора родственников предшествующих монархов – Нарышкиных, Скавронских и др. играло важную легитимизирующую роль, а представители древних родов (Долгоруковы, Голицыны) своим присутствием подкрепляли важную для императрицы идею о том, что Россия, как и Франция, Англия или Испания, обладает Историей в понимании XVIII столетия, а значит, законно занимает свое место среди «политических» государств. Установленный Оксамитной факт, что предки большинства членов двора также имели высокие чины, можно трактовать как механизм воспроизводства элиты. Однако, с учетом сказанного о функциях двора, формально не обладавшего ни исполнительной, ни судебной, ни тем более законодательной властью, возникает вопрос о том, в какой степени корректно называть его «властным институтом». Возможно, точнее было бы назвать его политическим институтом, как части политической системы монархической формы правления.

Как и всякая работа, диссертация Д. А. Оксамитной не лишена определенных недостатков. Так, в тексте встречаются мелкие неточности вроде неверных инициалов или титулов (с. 150, 154, 164). Приведенные на с. 134 сведения о «Ф. Б. Пасеке» (с одним «с»), относятся не к Федору Богдановичу, дослужившемуся лишь до звания поручика, а к его брату Петру, о чем правильно написано на с. 175. В обзоре источников упомянуты камер-фурьерские журналы, однако ни одной ссылки на них в тексте мне обнаружить не удалось. Более существенным представляется некоторая, на мой взгляд, избыточность цитирования диссертанткой многочисленных работ коллег по цеху, причем зачастую эти цитаты воспринимаются автором без должной критики и преподносятся как непреложная истина, хотя, с моей точки зрения, с некоторыми из приводимых утверждений можно было бы поспорить.

Высказанные замечания не влияют на общую оценку диссертации Д. А. Оксамитной. Сделанные ею в результате исследования выводы, как и положения, выносимые на защиту, обоснованы, доказательны и прямо вытекают из содержания диссертации, а их научное значение выходит за рамки одной лишь истории екатерининского двора и важны для осмысления политической системы Российского государства рассматриваемого времени. Д. А. Оксамитная успешно справилась с решением поставленных в диссертационном исследовании задач, по теме диссертационного исследования имеются 5 публикаций соискателя, в том числе 3 статьи в журналах из перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованного ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. Публикации и автореферат соответствуют теме диссертации и отражают ее основные идеи и выводы. Материалы и выводы диссертации имеют научное и методологическое значение и могут быть использованы при разработке учебных курсов и в просветительских целях.

Диссертация Дарьи Александровны Оксамитной «Императорский двор Екатерины II как властный институт» является законченным исследованием и соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук п.п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842), а ее автор, Оксамитная Дарья Александровна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент

Доктор исторических наук, профессор,
профессор, Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Каменский Александр Борисович

Подпись заверяю

СПЕЦИАЛИСТ ПО КАДРОВОМУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ

КИСЛИЦКАЯ П.А.

09.04.2026

Почтовый адрес: 105066 г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3

Тел. +7 (495) 772-95-90, e-mail: hse@hse.ru